

The Institute of Ismaili Studies

Речь Его Высочества Ага Хана в Школе международных и общественных отношений Колумбийского университета

Его Высочество Ага Хан
Нью-Йорк, США
15 мая 2006 г.

Биссимилах ар-Рахман ар-Рахим,

Декан Андерсон,
Преподаватели,
Выпускники и родители,
Уважаемые гости,
Дамы и господа!

Большая честь для меня быть здесь и я искренне признателен за ваше приглашение. Это памятный день, как в вашей личной жизни, так и в жизни этой школы, - и я рад разделить эти чувства вместе с вами.

Говорят, что хороший оратор на выпускной церемонии - это тот, чья речь способна убаюкать. Надеюсь, что сегодня нам удастся сломать этот стереотип.

Как свидетельствует недавний опрос общественного мнения, американские выпускники хотят, чтобы главный оратор на выпускной церемонии был человек, «на которого они могут положиться более, чем на любого другого». Однако на основании теста на это качество, как утверждает все тот же опрос, самым популярным университетским оратором в последние годы может оказаться персонаж Улицы Сезам «лягушка Кермит». Мне остается только гадать в некотором испуге, где же может оказаться Имам мусульман шиитов исмаилитов на этой «относительной» шкале в сравнении с лягушкой Кермит.

Церемонии, подобные которым мы наблюдаем сегодня, очень важны, поскольку они помогают нам наводить мосты между прошлым и будущим – осознавать себя действующими лицами на более значительных сценах. Сцене действий этой Школы в настоящее время исполняется шестьдесят лет – охватывающих весь послевоенный период. За этот период вы резко расширили круг обществ, которым вы служите, а также и программ, посредством которых вы осуществляете это служение.

Ваша история отражает устойчивое убеждение в том, что главные вызовы нашего времени принципиально глобальные – и требуют как междисциплинарных, так и мульти-национальных ответных мер.

И в момент, когда Школа международных и общественных отношений Колумбийского университета (SIPA) отмечает свое 60-летие, я подхожу к своему собственному юбилею – 50-летию в следующем году моей роли в качестве Имама мусульман шиитов имамитов

исмаилитов.

Хотя я получил образование на Западе, мои взгляды на эти пятьдесят лет складывались преимущественно под влиянием стран Южной и Центральной Азии, Ближнего Востока и Африки, где исмаилиты живут и где они в основном сосредоточены. В течение пяти десятилетий это был мой мир – моя поистине постоянная забота и мое основное занятие. Именно на основании этого своего опыта я и буду говорить сегодня.

Для развивающегося мира последние полвека были временем возобновляющейся надежды и частых разочарований. Большие волны перемен захлестнули сцену - от крушения колониальных гегемоний в середине века до недавнего краха коммунистических империй. Но слишком часто то, что врывалось на смену старого порядка, оказывалось пустыми надеждами - и не только ложное очарование государственного социализма, идеи неприсоединения и однопартийного правления, но также и ложная слава романтического национализма, узколобого *трайбализма*, и ложный рассвет безбрежного индивидуализма.

Конечно, были и приятные исключения из этого правила. Но слишком часто один шаг вперед влек за собой два шага назад. Надежды на будущее очень часто означали надежду на выживание, а не надежду на прогресс. Старый порядок уступал свое место, однако новый мир еще не был готов родиться.

Сегодня это чувство разочарования усугубляется - как у богатых, так и у бедных государств - за счет сонма новых трудностей. Они варьируются от разных сценариев изменения погодных условий до мутации вирусов, от новых цифровых и биогенетических технологий до новых моделей семейной жизни и нового смешения культур.

В то время как мировая экономика интегрируется, глобальные миграции достигают рекордного уровня. Иммигранты в настоящее время составляют две трети прироста численности населения в 30 развитых странах *OECD* (Организации экономического сотрудничества и развития). Ранее гомогенные, однородные общества становятся отчетливо мультикультурными.

Между тем, разрыв между богатыми и бедными странами расширяется. Народонаселение взрывообразно растет, а окружающая среда истощается. Перед самими национальными государствами возникают новые проблемы под влиянием внесударственных сил – в их числе глобальная преступность и терроризм.

Всякий раз, как я встречаюсь с ведущими мыслителями и политиками – расстаюсь я с ними все с тем же преследующим меня вопросом. Почему это, учитывая масштабы нашего коллективного, взаимного обучения - беспрецедентного в человеческой истории, - мы испытываем такие трудности в сдерживании этих процессов? Почему наше растущее интеллектуальное овладение миром часто на практике сопровождается нарастающим ощущением, что мы пробуксовываем?

Мой ответ на этот вопрос все более сводится к тому, что демократические институты не вырабатывают свой потенциал. Как в развитых, так и в развивающихся странах перспективы демократии слишком часто оказывались разочаровывающими.

На протяжении многих веков просвещенные люди утверждали, что демократия является ключом к социальному прогрессу. Однако сегодня это утверждение стало спорным.

В странах, с которыми я непосредственно связан, 21-й век пережил уже, по крайней мере, полдюжины конституционных кризисов. Печально, но факт, - который трудно проглотить, но и невозможно отрицать, - что почти сорок процентов стран-членов ООН в настоящее время попали в категорию не просто неуспешных государств – но в категорию «несостоятельных демократий».

Наша главная задача в этом новом веке – лидеров и будущих лидеров нашего мира – восстановить надежду на демократию.

Привлекательным свойством демократических систем, которым они, похоже, обладают и спасительным для них, является то, что они, в конечном счете, способны к самокоррекции. Система публичной отчетности по-прежнему служит наилучшей гарантией для нашей надежды на перемены без насилия. Уже одно это их достоинство оправдывает всю идею. Это объясняет общеизвестное мнение Черчилля, что демократия является наихудшей формой правления, за исключением всех других.

Наша насущная задача – не искать альтернативу демократии, но найти самые эффективные и разные способы, чтобы заставить демократию работать.

Отвечая на это насущное требование сегодня, я хотел бы высказать четыре наблюдения – четыре предложения по преодолению нашего разочарования и поддержанию наших надежд, связанных с демократией.

Мои комментарии касаются следующего: во-первых, необходимость большей гибкости при выборе пути к демократии; во-вторых, необходимость большего разнообразия в институтах, которые участвуют в демократической жизни; в-третьих, необходимость расширения общественных возможностей и компетенций в области демократии; и, наконец, необходимость укрепления целостности общества, на которую демократия опирается. Позвольте мне сказать несколько слов по каждому из них.

Моя первая забота связана с тем, что мы должны более гибко определять пути к демократии. Мы склонны говорить, что демократия предполагает плюралистический подход к жизни, - однако слишком редко мы избираем плюралистический подход к демократии. Слишком часто мы настаиваем на том, что демократии, все, должны следовать одинаковому сценарию, – развиваясь с одинаковой скоростью, - не допуская той мысли, что различные обстоятельства могут потребовать различных конструкторов.

Крайний предел любой демократии должен определяться концепцией народного суверенитета. Однако в рамках этой концепции остаются возможности для варьирования. Один размер не обязательно должен подходить всем – и попытки навязывать всем один размер могут стать путем к провалу.

У наиболее успешных демократий мира весьма различные истории – каждая формировалась по-особенному и в соответствии с собственным расписанием.

Как наилучшим образом разделить власть и сбалансировать ее? Как следует сочетать светские и религиозные обязанности? Как может традиционная власть – будь она даже монархическая власть – быть связана с демократическими структурами? Как наилучшим образом примирить целостность культуры меньшинств и их систему вероисповедания с законом большинства?

Было бы упрощением желать, чтобы конечные итоги нашей демократии были бы одинаковы, - что их нельзя достичь, следуя разными путями. Демократический дух свободы и маневренности должен начинаться с наших определений самой демократии.

Даже когда мы думаем более гибко о демократии, мы должны принимать во внимание также и вторую нашу цель: диверсификацию институтов демократической жизни.

Одна из причин того, что правительства часто падают, та, что мы слишком полагаемся на них. Слишком много надежд связываем мы с обещаниями политиков и слишком много задач мы возлагаем на политические режимы.

Правительства в одиночку не заставят демократию работать. Наиболее успешными оказываются такие демократии, в которых жизненно важную роль играют также неправительственные организации «гражданского общества».

Гражданское общество питается энергией частных добровольных организаций, но нацелено оно на общественное благо. Оно включает учреждения в области образования, здравоохранения и науки, а также исследовательские учреждения. Оно охватывает профессиональные, коммерческие, трудовые, этнические и художественные организации, и другие, имеющие отношение к религии, связи и к окружающей среде.

Иногда в нашей озабоченности, связанной с правительством, мы недооцениваем влияния гражданского общества, в том числе созидательного потенциала неправительственных организаций. Но мы более не можем позволить себе подобное отношение. Столкновение с реалиями усложняющегося мира требует укрепления расстановки гражданских институтов. Они подстегнут общественный прогресс – даже когда дрогнет правительство; и потому, что они настолько тесно связаны с общественностью, они смогут предсказывать новые модели и выявлять новые проблемы с особой чувствительностью.

Но такое развитие событий не может быть результатом принуждения. Для этого требуется благоприятная, стимулирующая атмосфера, поддерживаемая широким общественным энтузиазмом во имя общественных целей. И позвольте мне внести ясность: я здесь потому, что я считаю, что *SIPA*, с ее ежегодной подготовкой талантливых выпускников, способна сделать огромный, мировой вклад в решение этой важнейшей задачи.

Развитие гражданского общества может помочь также удовлетворить растущий вызов культурного разнообразия. Поскольку общины становятся на деле все более плюралистическими, они должны стать также более плюралистическими по духу. Энергичное гражданское общество способно предоставить разнородным людским сообществам и объединениям эффективные способы для выражения и сохранения своей особой идентичности, самобытности, даже в условиях взаимодействия с новыми соседями.

Нам часто твердят, что расширение контактов между культурами неизбежно ведет к «столкновению цивилизаций», в особенности, между Исламом и Западом. Такие прогнозы могут, вероятно, превратиться в сбывшееся пророчество при условии, что достаточно большое число людей поверит в это. Однако нам этого не нужно, это и не должно произойти.

Настоящая проблема, стоящая перед нами, та, что я назвал бы «столкновением невежества» - с обеих сторон, - невежество, с которым, например, пренебрегают длительной историей уважения и сотрудничества между мусульманскими и западными народами и,

соответственно, их цивилизаций.

Тут будет уместно вспомнить, как формировалась североамериканская история на протяжении веков различными культурными группами. В будущем, как в прошлом, такое разнообразие может быть двигателем огромной созидательной силы – если оно будет поддерживается за счет того, что я назвал бы «новой космополитической этикой». Чтобы содействовать этому процессу, Сеть развития Ага Хана в последнее время сотрудничает с правительством Канады в деле создания нового Глобального центра по плюрализму в Оттаве. Опираясь как на опыт исмаилитов, так и на плюралистическую модель самой Канады, Центр признает, что мы не сможем сделать мир безопасным для демократии до тех пор, пока мы не сделаем мир безопасным также и для разнообразия – и все это может быть достигнуто с помощью институтов гражданского общества. Они способны внести решающий вклад в достижение этой цели.

Мой третий пункт касается потенциала, компетенций общества в области демократического правления. Это такая проблема, к которой мы слишком часто относимся с излишней сентиментальностью, не желая признавать, что демократическая общественность не всегда достаточно мудра.

Недостаточность связей с общественностью составляет часть этой проблемы. Подталкиваемые короткими сроками обращения информации и стремлением к получению прибыли, средства массовой информации все чаще рассказывают аудитории скорее то, что она желает услышать, чем то, что ей следует услышать. А слишком многие люди желают не того, чтобы их информировали, но того, чтобы их развлекали.

Одним из результатов этого является неадекватность международных новостей. Мне говорили, что международные новости теперь составляют существенно меньший процент от основных американских новостей, чем это было одно поколение назад. Благодаря Интернету, специалисты могут получать больше информации из большего количества мест, чем когда-либо прежде. Но для широкой публики в Америке, как и в других странах, объем мировой информации снизился, в то время как причастность к событиям в мире расширилась.

Если улучшение коммуникации является одной частью ответа, то улучшение образования – другой. Это означает, прежде всего, разработку новых учебных программ, которые будут соответствовать новым требованиям – особенно в развивающихся странах. Мы должны делать больше для подготовки лидеров XXI-го века для экономической жизни в общемировом рынке, для культурной жизни в плюралистических обществах, для политической жизни в высокоорганизованных демократиях. Наша система спонсируемых Ага Ханом университетов и академий работает по всему развивающемуся миру над созданием новых образовательных моделей. Но масштабы нашей работы едва начинают соответствовать масштабности этих задач.

Улучшение информированности и образования может быть полезным, но мы должны быть реалистами в отношении возможностей общества. Думаю, например, что слишком часто к публике обращаются с просьбой проголосовать по вопросам, которые вызывают у них недоумение. В последние месяцы, как в Африке, так и в Азии, – новые национальные конституции были оставлены на милость всеобщих публичных референдумов – порождая сложные, теоретические вопросы, оказывающиеся далеко за пределами способностей политиков объяснить их, а населения – усвоить их. Такая ситуация не является уникальной, свойственной исключительно развивающимся странам. Мы наблюдали аналогичную картину в прошлом году, когда французское население отклонило новый Европейский

конституционный договор длиною в 474 страницы.

Демократиям необходимо ответственно проводить разграничение между прерогативами, исключительными правами народа и обязательствами их лидеров. И лидеры должны выполнять эти обязательства. Демократии терпят неудачу обычно тогда, когда публика проявляет нетерпение в связи с неэффективными руководителями и правительством.

Когда парламенту не хватает структур или опыта, чтобы бороться со сложными проблемами, - или когда система сдержек и противовесов заводит его в тупик, а не способствует улучшению его деятельности, - тогда разочарованная публика часто обращается к диктаторам. В Программе развития ООН недавно сообщалось, например, что 55 процентов опрошенных в 18 странах Латинской Америки будут поддерживать авторитарную власть, если она приведет к экономическому прогрессу. А там в слишком многих случаях прогресс и демократия не идут рука об руку.

Лучший способ обелить идею демократии во всем мире – улучшать результаты, к которым она приводит. Развитые страны, вместо того чтобы так много рассуждать о демократии на концептуальном уровне, должны больше делать – много больше, - чтобы помочь демократической деятельности на практическом уровне. Нашей целью должны стать «полностью функционирующие демократии», - которые обеспечат подлинное улучшение в качестве жизни своих народов. Мы не должны принуждать народ выбирать между демократическим правительством и компетентным правительством.

И это подводит меня к моей последней теме: потребность в ощущении большей целостности общества.

Увеличить число людей, между которыми распределяется общественная власть, - это только полдела. Решающим в этом вопросе является, как эта власть будет использоваться. Как мы можем вдохновить людей преодолеть безудержный материализм, оправдывающий индивидуализм и беспринципный релятивизм.

Один из ответов – это сфокусировать наше особое внимание на личных прерогативах и правах личности, с особой заботой о личной ответственности и общественных целях. Жажда справедливости, борьба за равенство, уважение к толерантности, приверженность человеческому достоинству - таковы универсальные человеческие ценности, которые объединяют многих и многих людей поверх разделяющих их классовых, национальных, языковых, религиозных и географических барьеров. Они конституируют то, что классические философы - на Востоке, равно как и на Западе его - определяли как человеческие «добродетели» – как не просто отсутствие отрицательных ограничений, налагаемых на свободу личности, но также и как множество позитивных обязательств, моральная дисциплинированность, которые смогут удержать свободу от того, чтобы она вылилась во вседозволенность.

Исторически одним из самых мощных ресурсов для любой культуры было осознание, что она ведет куда-то, что завтра будет лучше, чем сегодня, что есть все основания принять все то, что я назвал бы «хроникой прогресса».

Право отдельных лиц стремиться к лучшему качеству жизни в пределах их собственной жизни – и строить лучшую жизнь для своих детей – эти личные устремления должны стать общественными ценностями.

Но здоровому чувству общественной целостности, на мой взгляд, будет трудно развиваться в течение длительного времени без сильной религиозной опоры. В исламской традиции поведение в мирской жизни неразрывно переплетается с интересами духовной жизни – и никто не может говорить о целостности, не говоря также и о вере.

Для ислама важность этого переплетения составляет одно из положений веры: глубинный сплав мирских забот и духовных идеалов таков, что невозможно представить себе одно без другого. Они принадлежат друг другу. Они конституируют, составляют «образ жизни».

С этой точки зрения, я бы поставил более высоко среди наших приоритетов, как в пределах исламского мира, так и за его пределами, необходимость восстановить наши духовные традиции. Несомненно, свобода вероисповедания чрезвычайно важна для плюралистического общества. Однако если свобода религии превращается в свободу от религии, - то, боюсь, что весьма скоро мы обнаружим, что потерялись посреди мрачного и пустынного ландшафта, - не имея при себе ни дорожной карты, ни компаса, ни чувства конечной цели.

Я вполне понимаю историческую приверженность Запада к отделению мирского от религиозного. Но для многих не-западных людей, в том числе для большинства мусульман, сферы религиозной и светской деятельности не могут быть противоположными. Если «модернизму» не хватает духовного измерения, он будет походить на материализм. А если модернизирующее влияние Запада оказывается настойчиво и исключительно секуляризирующим, то большая часть исламского мира будет до некоторой степени дистанцироваться от него.

Глубоко укорененное чувство общественной целостности означает более чем целостность правительства, сколь бы ни было это важным. Нарушение этических норм в области медицины и образования, должностные преступления в бизнесе и банковском деле, нечестность в среде журналистов, ученых, инженеров или специалистов – все эти недостатки могут подрвать самую многообещающую из демократий.

Позвольте мне, наконец, подчеркнуть мою твердую убежденность в том, что целостность общества не может вырасти из авторитарных высказываний. Она должна иметь корни в человеческом сердце и совести. Как сказано в Священном Коране: «Нет принуждения в религии». Возрождение духовности – потенциально столь позитивной силы - может оказать негативное влияние, если превратится в самодовольство, излишнюю уверенность в собственной правоте, навязывающую себя другим. Как и все великие религии мира, ислам предостерегает от опасности сравнения себя с Богом и особый упор делает на таких человеческих качествах, как великодушие, милосердие и смирение.

Центральный элемент любого религиозного мировоззрения, как мне кажется, - это осознание человеческих пределов, признание нашей тварности - состояние глубочайшего смирения перед Божественным. В этом осознании кроется наша лучшая защита от разделяющего все догматизма и наша самая большая надежда на созидательный плюрализм.

Теперь в заключение я хотел бы спросить – поскольку вы выходите из стен этого университета в сложный и разнородный мир, - что вы думаете об этих четырех соображениях касательно возобновления надежд на демократию: о более гибком выборе демократических путей; о расширении роли гражданского общества; о развитии у населения навыков самоуправления, а также об укреплении нашей приверженности к общественной целостности.

Всеми этими способами, я считаю, мы можем помочь восстановить доверие к перспективам демократической жизни, с гордостью утверждая нашу неповторимую культурную самобытность, одновременно с энтузиазмом используя наши новые глобальные потенциалы.

Выпускникам: я молюсь, пусть Бог направляет вас и сопровождает вас на вашем пути к осуществлению своего предназначения.

Благодарю Вас

Последнее обновление: 22/04/2011 14:57